УДК 316.65

Д.В. ПРОШИН

В ЧРЕВЕ ЛЕВИАФАНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ «ГОРОДСКОЙ ГЕРИЛЬИ»

Прошин Денис Владимирович – Днепропетровский университет им. Альфреда Нобеля, доцент кафедры политологии, социологии и гуманитарных наук, кандидат исторических наук

Увагу зосереджено на парадоксах протистояння між західногерманським урядом та лівацьким терористичним угрупованням «Фракція Червоної Армії» (РАФ) в 1972-1977. По-перше, називаючи розпочату нею «герилью» «війною проти фашистської держави», РАФ своїм впливом значною мірою завдячувала політичним умовам, притаманним демократичному суспільству (свобода слова, відкриті судові слухання тощо). По-друге, «герилья», яку РАФ начебто б вела за «народну свободу», в результаті створила лише додаткову загрозу для західногерманської демократії, спровокувавши уряд на більш жорсткі заходи безпеки та викликавши загальну консервативну реакцію у німецькому суспільстві.

Ключові слова: демократія, «міська герилья», «Фракція Червоної Армії»

Внимание сосредоточено на парадоксах противостояния между западногерманским правительством и левацкой террористической группировкой «Фракция Красной Армии» (РАФ) в 1972-1977. Во-первых, называя начатую ею «герилью» «войной против фашистского государства», РАФ своим влиянием во многом была обязана политическим условиям, свойственным демократическому обществу (свобода слова, открытые судебные слушания и т.д.). Во-вторых, «герилья», которую РАФ якобы вела за «народную свободу», в итоге создала лишь дополнительную опасность для западногерманской демократии, спровоцировав правительство на введение более жестких мер безопасности и вызвав общую консервативную реакцию в немецком обществе.

Ключевые слова: «городская герилья», демократия, «Фракция Красной Армии»

Attention is focused on paradoxes of the confrontation between the West German government and the Red Army Faction left-wing terrorist group (RAF) in 1972-1977. First, while the RAF was calling its «urban guerrilla» the «war against the fascist state», its influence was, in fact, to a large extent dependent upon political conditions inherent to a democratic society (freedom of speech, public trials, etc.). Second, the «guerrilla» the RAF claimed it was fighting for «people's freedom» turned out to be nothing but an additional threat to West German democracy by provoking the state to impose tougher security measures and creating general conservative backlash in German society.

Key words: democracy, Red Army Faction, «urban guerrilla»

© Д.В. Прошин, 2012

Постановка проблемы. Лидеры западногерманской террористической группировки «Фракция Красной Армии» (Rote Armee Fraktion, РАФ), как им казалось, нашли точное отражение их борьбы с «мировой империалистической системой» и ее «фашистским» западногерманским «филиалом». Это созданные Германом Мелвиллом образы моряков, преследующих Моби Дика – гигантского белого кита, убийцу китоловов. Гудрун Энслин, входившая в «ядро» РАФ, почти всем своим товарищам дала прозвища по именам героев романтической саги Мелвилла. Этими прозвищами арестованные «красноармейцы» пользовались, через адвокатов обмениваясь кодированными сообщениями друг с другом и с теми, кто оставался на свободе. «Моби Дик» был одной из нескольких сотен книг, стоявших на полках в камере Энслин (наряду с сочинениями Маркса и Ленина).

Со дня образования РАФ до ареста главных представителей ее первого поколения прошло почти ровно два года (1970-1972). Следующие пять с лишним лет для арестованных «красноармейцев» были заполнены следственными процедурами, судебными слушаниями, непрекращающимися конфликтами с судьями и тюремной администрацией и попытками из своих камер организовать новые удары по «фашистскому государству». В 1976-1977 члены рафовского «ядра» (Ульрика

Майнхоф, Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе) покончили жизнь самоубийством в тюрьме строгого режима «Штамхайм». Таким образом, большую часть времени, проведенного ими в борьбе с «Системой», вожаки РАФ находились «в чреве» ненавистного им «Левиафана». Однако к тому моменту, когда утром 18 октября 1977 тюремные врачи констатировали смерть Баадера, Энслин и Распе, не могло быть сомнений в том, что, оказавшись за решеткой, «красноармейцы» приобрели куда больший политический вес, чем тот, что принесли им два года «герильи» в крупнейших городах Западной Германии. Пять лет, прошедшие между 1972 и 1977, стали наиболее напряженным периодом всей без малого тридцатилетней истории «красноармейского» террора. Предлагаемая статья посвящена рассмотрению особенностей этого «странного» пятилетнего противостояния.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема терроризма на протяжении десятилетий сохраняет свою актуальность. В частности, феномен РАФ в разные годы исследовался С.Аустом [5], Дж.Беккер [6], Дж.Вароном [13], В.Витюком и С.Эфировым [1], С.Колвин [7], И.Морозовым [2], Дж.Смитом и А.Монкуром [9], Н.Томасом [10], В.Чаликовой [4]. Но ни в этих, ни во многих других террористических работах

рассматриваемый здесь феномен не подвергался специальному анализу. Между тем на данном примере могут быть продемонстрированы некоторые важнейшие особенности терроризма как политического явления, его тупики и опасности.

Цель исследования. В связи с этим автор ставит перед собой следующие цели: 1) дать общий очерк того политического явления, которое условно обозначается как «странное противостояние» РАФ и западногерманского правительства; 2) раскрыть содержание парадоксов, свойственных этому «странному противостоянию»; 3) на примере раскрытых парадоксов западногерманской «городской герильи» показать внутреннюю противоречивость террористических доктрин, их бесплодность и тормозящее влияние на развитие того общества, чьим высшим интересам они якобы служат.

Изложение основного материала исследования. В одном из многочисленных «красноармейских» коммюнике сказано, что РАФ возникла из «акта освобождения», 14 мая 1970, когда был организован побег Андреаса Баадера, отбывавшего тюремный срок за поджог универмага во Франкфурте-на-Майне (в знак протеста против бюргерского равнодушия к войне во Вьетнаме) [12]. За возвращением будущих «красноармейцев» из палестинского тренировочного лагеря последовала череда ограблений банков, деньги из которых должны были обеспечить материальную базу для дальнейшей борьбы. В апреле 1971 РАФ опубликовала политический манифест, получивший красноречивое название «Концепция городской герильи» [11].

Первые аресты рафовцев состоялись уже осенью 1970, а в начале 1971, после перестрелок боевиков с полицией, правительство объявило РАФ «врагом государства номер один» и развернуло широкомасштабную кампанию по поимке ее членов. Однако, согласно данным опроса, проведенного в середине 1971 Институтом Алленсбаха, в ФРГ сложился «неблагоприятный для розыска социально-политический климат». Сорок процентов опрошенных считали, что боевиками движут «политические», а не «преступные» мотивы. Двадцать процентов заявили, что понимают тех, кто помогает рафовцам скрываться от полиции. Шесть процентов признались, что сами готовы хотя бы на одну ночь укрыть разыскиваемого боевика [13, 199].

Зафиксированная Институтом Алленсбаха первоначальная симпатия к рафовцам сохранялась до тех пор, пока вокруг них держался ореол благородных борцов с «Системой», общественное доверие к которой было основательно подорвано в конце шестидесятых годов, во время массовых молодежных волнений. Законность действий полиции нередко подвергалась сомнению. Полицейских подозревали в планомерной ликвидации рафовцев без суда и следствия (сравнивая гибель боевиков со смертью безоружного студента Бенно Онезорга, застреленного во время разгона демонстрации в Западном Берлине в 1967). В этом отношении показательна статья Генриха Белля, призывавшего власти не превращать борьбу с РАФ в «охоту на

ведьм» и провести открытый для международной общественности суд над «живой Ульрикой Майнхоф» [5, 147-148; 10, 206].

Но после того, как в мае 1972 РАФ хладнокровно подготовила и осуществила серию взрывов во Франкфурте, в Гамбурге, Нюрнберге, Аугсбурге и т.д. («майское наступление»), в результате которых было убито четыре и ранен сорок один человек, общественный климат резко изменился. Хорст Херольд, в семидесятых годах возглавлявший Федеральное ведомство уголовной полиции, вспоминал: «Никогда прежде я не видел такого единодушия между гражданами и полицией [как во время розыска подрывников]» [5, 165].

В течение месяца с момента первого взрыва ключевые фигуры РАФ (Андреас Баадер, Ульрика Майнхоф, Гудрун Энслин, Хольгер Майнс, Ян-Карл Распе) и некоторые другие боевики были арестованы. Аресту предшествовала беспрецедентная по размаху операция, в которой участвовал почти весь личный состав западногерманской полиции. Дороги были перекрыты, на блокпостах проводилась тотальная проверка документов. Германия пребывала на грани транспортного коллапса.

Начиная «герилью», рафовцы рассчитывали своими терактами подтолкнуть государство к драконовским ответным мерам и заставить его тем самым раскрыть свою «криптофашистскую» сущность. Дальнейшая судьба окончательно дискредитировавшего себя режима должна была решиться в ходе массовых выступлений вышедших на улицы немцев. Политические последствия широкомасштабных розыскных мероприятий в середине 1972 полностью опровергли расчеты рафовского «ядра». Резкая правительственная реакция нашла практически стопроцентную поддержку у шокированных взрывами немцев. Но, уже устранив непосредственную угрозу новых терактов, власти не смогли удержаться в пределах допустимого. И когда стало известно, что арестованные боевики отрезаны от мира в своих одиночных камерах (так называемая система «мертвых секций»), общественное мнение вновь качнулось в сторону РАФ.

Подвергнув заключенных жесткому психологическому воздействию, власти «снабдили РАФ оружием пропагандистской войны: строгое одиночное заключение, перлюстрация писем, видеонаблюдение и тому подобные меры рассматривались арестованными, и даже многими из их противников, как нарушение прав человека». По словам очевидца, «оказавшись в тюрьме, группа [основателей РАФ] обрела ранее недостававшее политическое влияние. Беспрецедентные меры предосторожности наделили заключенных политической значимостью, не идущей ни в какое сравнение с тем, чего они смогли добиться с помощью своих публикаций и терактов» [5, 211-212]. Как показали последующие события, арест «ядра» РАФ в 1972 был лишь преддверием одного из острейших политических кризисов в истории ФРГ.

Требую облегчения условий содержания, боевики РАФ неоднократно объявляли коллективные

голодовки. 9 ноября 1974 такая голодовка унесла жизнь тридцатитрехлетнего Хольгера Майнса, надолго ставшего главной фигурой рафовского «мартиролога». Эта смерть сразу же была приравнена к убийству; в адрес властей зазвучали обвинения в том, что Майнсу «позволили умереть», не оказав ему надлежащей медицинской помощи. На похоронах нового «мученика» РАФ около двух тысяч человек скандировали: «Мсть!»). Руди Дучке, до тяжелого ранения в 1968 возглавлявший Социалистический союз немецких студентов, над гробом Майнса произнес знаменитое: «Хольгер, борьба продолжается!». В Германии и в других европейских странах прошли митинги протеста. Во Франции, в Англии и Голландии возникли комитеты защиты прав арестованных. В декабре 1974 в «Штамхайме» состоялась встреча продолжавшего голодовку Андреаса Баадера и Жан-Поля Сартра, который вскоре после этого выступил с призывом как можно быстрее изменить условия заключения членов РАФ: «К заключенному должны относиться как к человеку. Точнее, он лишен свободы, но он не должен быть объектом каких-либо пыток или чего-либо, имеющего целью смерть или деградацию человеческой личности. Эта же система настроена именно против человеческой личности и разрушает ее» [3].

«Магнетическая притягательность», которую обрели оказавшиеся в тюрьме боевики, привела в движение немало молодых радикалов, в середине семидесятых годов образовавших костяк второго поколения РАФ. «Между 1970 и 1972 полиция разыскивала около сорока человек. Теперь, в конце 1974, в розыске находилось триста. По оценкам экспертов из Ведомства уголовной полиции, число так называемых «сочувствующих» превышало десять тысяч. Само понятие «сочувствующий» непрерывно расширялось» [5, 212]. 25 апреля 1975 боевики нового «призыва» захватили западногерманское посольство в Стокгольме и потребовали освобождения арестованных членов РАФ. Жертвами этой провалившейся акции стали двое немецких высокопоставленных дипломатов и двое террористов.

Меньше чем через месяц после захвата посольства, 21 мая 1975, в специально построенном зале, примыкавшем к тюрьме «Штамхайм», начался суд над Баадером, Майнхоф¹, Энслин и Распе. К началу процесса условия содержания «красноармейцев» были заметно смягчены, что, однако, несколько не способствовало снижению напряженности, и, напротив, только усугубило стоявшие перед федеральным правительством проблемы. После того, как серия голодовок и смерть Хольгера Майнса и Ульрики Майнхоф¹, сделали власти уступчивее, «ядро» РАФ добилось перевода в «Штамхайм» наиболее надежных из боевиков «младшего звена», отбывавших меньшие сроки в других тюрьмах. Получив возможность ежедневно в течение нескольких часов свободно общаться друг с другом и с вновь прибывшими, пользуясь услугами симпатизировавших им адвокатов, действовавших как посредники между арестованными и теми, кто оставался на воле, организаторы РАФ, по сути,

превратили седьмой этаж тюрьмы «Штамхайм» в центр подготовки следующего «наступления».

Во второй половине 1977 было осуществлено еще несколько крупных акций с целью вынудить власти освободить приговоренных к пожизненному заключению Баадера, Энслин и Распе и ряд других боевиков². Ключевую роль в организации этих акций сыграла Бригитта Монхаупт, последние полгода своего четырехлетнего срока отбывавшая в «Штамхайме» и вышедшая на свободу в феврале 1977 с «особыми полномочиями» от организаторов РАФ.

Драматические события 1977 завершили пятилетнее противостояние. С конца июля по октябрь 1977 – эти месяцы вошли в историю как *Deutscher Herbst*, «немецкая осень» – погибло тринадцать человек. Среди них – убитый при неудачной попытке его похищения президент «Дрезднер-банка» Юрген Понто; похищенный и позднее убитый президент Конфедерации ассоциаций немецких работодателей и Федерации немецкой промышленности Ханс-Мартин Шляйер; Юрген Шуман, командир авиалайнера «Люфтганзы», угнанного палестинскими феодами, действовавшими по договоренности с РАФ; а также трое членов рафовского «ядра» – Баадер, Энслин и Распе. РАФ, все силы которой были переключены с антиимпериалистической «герильи» на освобождение арестованных, потерпела поражение. Несмотря на смертельную опасность, грозившую похищенному Шляйеру и девяносто одному человеку на борту заминированного авиалайнера, федеральное правительство во главе с Гельмутом Шмидтом отказалось выполнить требования боевиков. (Позднее Шмидт сказал: «Это тот случай, когда ни одно из решений не является полностью правильным» [5, 419].)

В итоге все пассажиры и члены экипажа захваченного самолета, за исключением погибшего Юргена Шумана, были освобождены немецкими командос. Баадер, Энслин и Распе покончили с собой в ночь с 17 на 18 октября 1977, когда из Сомали поступили известия об успешном штурме угнанного «Боинга»³. Шляйер пережил их на несколько часов. Его тело нашли в багажнике машины недалеко от французского приграничного города Мюлуз.

Выводы. Рафовские идеологи утверждали, что под прикрытием демократической фразеологии в ФРГ готовится «второе издание» фашистской диктатуры. Парадокс в том, что в условиях фашистского (или даже «криптофашистского») режима ничего подобного завершившемуся в 1977 противостоянию просто не могло бы произойти. Были бы в принципе невозможны ни открытый процесс, ставший трибуной для организаторов РАФ; ни общественное давление, заставлявшее власти исправлять антигуманные крайности, допускавшиеся ими в противодействии террористам; ни мобилизация новых боевиков, вдохновленных примером арестованных братьев, из тюрьмы регулярно сносившихся с восстанавливавшим свои силы подпольем.

Из чрева фашистского «Левиафана» не донеслось бы ни звука, и его кожа была бы нечувствительна к уколам общественных протестов, если бы

о них вообще можно было вести речь в пределах его власти. Парадокс «странного противостояния», приведшего крупнейшее западноевропейское государство к острому политическому кризису, подтверждает высказанную Уолтером Лакером мысль: «Современный терроризм... бросает вызов лишь тем, кому чужды методы террора, то есть государствам или сообществам, которые никогда не применят всю силу, имеющуюся в их распоряжении» [8, 234].

Неровный путь послевоенной немецкой демократии, обремененной наследием нацистского прошлого и конфликтами, порожденными «холодной войной», действительно давал основания говорить о существующих в ФРГ авторитарных тенденциях. Но, безапелляционно поставив знак равенства между делающей первые непростые шаги Федеративной республикой и Третьим рейхом, экстремисты из РАФ – и это еще один, печальный, парадокс их пятилетнего противостояния с правительством – во многом лишь углубили те тенденции, против которых они нацеливали свою кампанию террора.

В рафовской «Концепции городской герильи» говорилось: «Герилья направлена на то, чтобы на некоторых участках разрушить систему государственного управления, частично вывести ее из строя, развеять миф о вездесущности системы и ее неуязвимости» [11]. В конце семидесятых годов,

как и в 1971, «вездесущность системы» оставалась мифом, но, увы, после нескольких лет «красноармейского» террора, в этом мифе было куда больше реальности, чем прежде: «Сканеры в аэропортах, скрытое наблюдение, компьютерные базы данных; больше денег на полицию, больше полицейских участков, новое снаряжение для полиции, контрразведки, пограничной стражи; новые законы, укрепленные залы для судебных заседаний, блоки строгого режима в тюрьмах...» [5, 420]. Организаторы РАФ считали, что они ведут войну с «Левиафаном» репрессивной системы. Оценив результаты их войны, можно убедиться, что они немало поспособствовали появлению на свет некоего подобия ненавистного им монстра.

Для многих немцев была неприемлема победа над терроризмом любой ценой, и они сказали свое слово, заставив власти изменить обращение с арестованными боевиками. По горькой иронии, эти либерально настроенные граждане ФРГ оказались еще одной жертвой крайних мер, избранных РАФ в борьбе за «истинную демократию». «Немецкая осень» знаменовала собой наступление *Die bleierne Zeit*, «свинцовых времен» – полосы консервативных настроений, подозрительности ко всему, что «угрожает порядку», и, как следствие, – разочарования в возможности что-либо изменить в немецком обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ульрика Майнхоф была найдена мертвой в своей камере 9 мая 1976. Баадер, Энслин и Распе немедленно назвали случившееся тайной расправой. 7 апреля 1977 боевики РАФ расстреляли генерального прокурора ФРГ Зигфрида Бубака, его водителя и телохранителя, объявив это мстью за смерть Ульрики Майнхоф и Хольгера Майнса, якобы умерщвленных по приказу Бубака.

² Приговор был объявлен 28 апреля 1977, на сто девяносто второй день процесса.

³ Как и смерть Ульрики Майнхоф, это тройное самоубийство было сразу же объявлено инсценировкой спецслужб. И до сих пор, несмотря на данные независимых судмедэкспертов, предметом веры для многих радикалов остается то, что организаторов РАФ «тайно казнили в фашистском застенке».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Витюк В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В.В. Витюк, С.А. Эфиоров. – М.: Наука, 1987. – 315 с.
2. Морозов И.Л. «Фракция Красной Армии» в Западной Германии и «Сапатистская армия национального освобождения» в Мексике: сравнительный анализ моделей левоэкстремистских движений / И.Л. Морозов. – Волгоград: «Перемена», 2009. – 212 с.
3. Сартр Ж.-П. Медленная смерть Андреаса Баадера [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр; пер. с франц. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/969444/post81659846>.
4. Чаликова В.А. Путь в террор [Электронный ресурс] / В.А. Чаликова – Режим доступа: <http://www.chalikova.ru/put-v-terror.html#toc-2>.
5. Aust S. Baader-Meinhof: The Inside Story of the RAF / S. Aust. – N.Y.: Oxford University Press, 2009. – 457 p.
6. Becker J. Hitler's Children: Story of Baader-Meinhof Terrorist Gang / J. Becker. – N.Y.: HarperCollins. – 416 p.
7. Colvin S. Ulrike Meinhof and West German Terrorism / S. Colvin. – Rochester, N.Y.: Camden House, 2009. – 265 p.
8. Laqueur W. A History of Terrorism / W. Laqueur. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. – 277 p.
9. Smith J. The Red Army Faction: A Documented Story / J. Smith, A. Moncourt. – Oakland, Ca.: PM Press, 2009. – 693 p.
10. Thomas N. Protest Movements in 1960s West Germany: A Social History of Dissent and Democracy / N. Thomas. – Oxford: Berg, 2003. – 277 p.
11. Urban Guerrilla Concept [Electronic resource]. – Access mode: http://www.germanguerrilla.com/red-army-faction/documents/71_04.html.
12. Urban Guerrilla is History [Electronic resource]. – Access mode: http://www.germanguerrilla.com/red-army-faction/documents/98_03.html.
13. Varon J. Bringing the War Home / J. Varon. – Berkeley: University of California Press, 2004. – 394 p.